

БОЛЬШИЕ



КНИГИ

Сигрид Унсет

КРИСТИН,
ДОЧЬ
ЛАВРАНСА



Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44
У 60

Sigrid Undset
KRISTIN LAVRANSDATTER. KRANSEN
Copyright © 1920 H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS, Oslo
KRISTIN LAVRANSDATTER. HUSFRUE
Copyright © 1921 H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS, Oslo
KRISTIN LAVRANSDATTER. KORSET
Copyright © 1922 H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS, Oslo
All rights reserved
Published by arrangement with Oslo Literary Agency.
The Russian language publication of the book was negotiated
through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency.

Перевод с норвежского
Л. Брауде, М. Дьяконова, Ф. Золотаревской, Ю. Яхниной

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Л. Брауде (наследники), перевод, 2017
© М. Дьяконов (наследник), перевод,
примечания, 2017
© Ю. Яхнина (наследник), перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-13569-7

Книга первая

ВЕНЕЦ



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЙОРЮНДГОРД

I

При разделе наследства после смерти Ивара Младшего Йёслинга из Сюдбю, в 1306 году, его имение в Силе¹ перешло к дочери Рангфрид и ее мужу Лаврансу, сыну Бьёргюльфа. До того они жили в имении Скуг в Фоллу², недалеко от Осло, но затем переехали в усадьбу Йорюндгорд, лежавшую высоко на сельских холмах³.

Лавранс происходил из рода, известного в Норвегии под именем Сыновой лагмана⁴. Род этот — выходцы из Швеции, и первым, кто поселился здесь, был некий Лаврентиус — лагман в Эстгёте, тот самый, что выкрал из монастыря Врета сестру ярла⁵ из Бьельбу, девицу Бенгту, и бежал с нею в Норвегию. Лаврентиус жил при дворе короля Хокона Старого и заслужил его любовь и уважение; король пожаловал ему усадьбу Скуг. Но, прожив в Норвегии восемь лет, Лаврентиус умер от поветрия, а вдова его, которую народ прозвал Королевой, отправилась домой в Швецию и помирилась со своей родней. Впоследствии она вышла замуж за богатого чужестранца. У нее не было детей от Лаврентиуса, и поэтому усадьба Скуг досталась по наследству брату Лаврентиуса — Кетилю. Сыном Кетилия был Бьёргюльф, отец Лавранса.

Лавранс женился в молодых годах. Ему исполнилось всего двадцать восемь лет, когда он переехал в Силь, и был он на три года моложе своей жены. Подростком он состоял одно время в ко-

¹ *Силь* — местность в долине Гудбрандсдал, пересекающей центральную часть Южной Норвегии с севера на юг. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² *Фоллу* — местность южнее Осло.

³ Во всех норвежских именах собственных ударение падает на первый слог: Кри́стин, Ла́вранс, Й́вар, Йё́слинг, Сюдбю́, Ра́нгфрид и т. д.

⁴ *Ла́гман* — выборный или назначенный чиновник, наблюдавший за исполнением законов и имевший право чинить суд.

⁵ *Ярл* — в Скандинавии высшее звание после короля.

ролевской дружине и получил хорошее воспитание; по после женитьбы удалился на покой и жил в своем поместье, ибо Рагнфрид была несколько странной и угрюмой и худо уживалась с людьми на юге Норвегии. А после того как Рагнфрид постигло несчастье и у нее умерли еще в младенческом возрасте трое сыновей, она стала совсем чуждаться посторонних. И пожалуй, потому и переехал Лавранс в долину Гюдбрандсдал, чтобы жена была поближе к своим родным и знакомым. Когда они переехали туда, у них оставался в живых один ребенок, маленькая девочка по имени Кристин.

Но и поселившись в Йорюндгорде, они продолжали жить замкнуто и держались очень обособленно; казалось, Рагнфрид не чувствовала большой приязни к своей родне и виделась с нею не чаще, чем того требовало приличие. Это происходило еще потому, что Лавранс и Рагнфрид были необычайно набожны и богобоязненны, усердно посещали церковь, охотно давали приют Божьим служителям и людям, разъезжающим по делам церкви, или пилигримам, шедшим на север к Нидаросу¹, и оказывали величайшее почтение своему приходскому священнику; тот жил в усадьбе Румюндгорд и был их ближайшим соседом. А окрестное население находило, что служение Богу и без того обходится достаточно дорого — тут и церковная десятина, и пожертвования имуществом и деньгами; поэтому считалось, что не следует уж так налегать на посты да на молитвы и таскать в дом священников и монахов без особой надобности.

Впрочем, хозяева Йорюндгорда пользовались большим уважением, да и любовью, в особенности Лавранс; он слыл за человека сильного и мужественного, а вместе с тем миролюбивого, тихого и справедливого, очень ровного в поведении и учтивого, необычайно умелого земледельца и великого охотника; с особенным рвением преследовал он волков, медведей и всякое вредное зверье. В течение немногих лет он собрал в своих руках много земли, но был добрым хозяином и щедрым на помощь своим издольщикам.

Рагнфрид же так редко показывалась в народе, что скоро о ней почти совсем перестали говорить. Первое время по ее приезде

¹ *Нидарос* — ныне Тронхейм, в те времена — самый большой город Норвегии. Здесь находился собор покровителя Норвегии святого Улава и резиденция архиепископа.

в родную долину многие удивлялись, глядя на Рагнфрид, так как помнили ее еще с тех пор, когда она жила дома в Сюдбю. Она никогда не была красавицей, но тогда по крайней мере выглядела довольной и веселой; теперь же она изменилась и извелась, и легко можно было подумать, что она старше своего мужа не на три года, а на целых десять лет. Люди считали, что она приняла слишком близко к сердцу смерть детей, потому что, вообще говоря, ей жилось во всех отношениях лучше, чем большинству других женщин, — ее окружали богатство и почет, да и с мужем она, насколько можно было судить, жила хорошо. С другими женщинами Лавранс не водился, постоянно советовался с нею во всех делах и ни разу не сказал ей ни одного недоброго слова ни трезвый, ни пьяный. При этом она была достаточно молода, чтобы иметь еще детей, будь на то воля Божья.

Хозяевам усадьбы бывало нелегко находить молодых работников и работниц для службы в Йорюндгорде — из-за угрюмого нрава хозяйки и из-за того, что в доме чересчур строго соблюдались все посты. Впрочем, людям жилось хорошо в усадьбе, где редко слышалось резкое слово или попреки; кроме того, и Лавранс и Рагнфрид всегда показывали пример другим во всякой работе. Притом же хозяин был по-своему человеком веселого склада и иногда не прочь был и поплясать и даже запевал, когда молодежь веселилась в светлые ночи на церковном пригорке. Но все же на службу в Йорюндгорд больше шли люди пожилые; им там очень нравилось, и они живали в усадьбе подолгу.

Однажды, когда Кристин было семь лет, отцу ее захотелось взять ребенка с собою в горы на их летний выгон — сетер¹.

Было ясное утро близко к середине лета. Кристин была на чердаке, где все они спали летом²; она видела яркий солнечный свет и слышала, как отец и работники переговаривались внизу во дворе, и от этого ей было так радостно, что она не в силах была устоять на месте, пока мать одевала ее, и скакала и прыгала в ожидании каждой новой вещи, в которую ее наряжали. Она ни-

¹ *Séter* — пастбище на альпийских лугах с пастушьей хижинкой.

² В старину в Норвегии летом спали на чердаке стáбюра — сарая, строившегося в два этажа и ставившегося на четыре камня или на сваи. Внизу хранились разные продукты; перед входом на чердак была галерея, на которую вела открытая лестница.

когда еще не бывала в настоящих горах, переезжала лишь через лесистый хребет по дороге на Вогэ, когда ее брали с собою погостить у родителей матери в Сюдбю¹, да ходила с матерью и домашними в ближайшие леса за ягодами, на которых Рагнфрид настаивала легкое вино. Мать приготавливала еще кислую барду из брусники и клюквы и намазывала ее на хлеб вместо масла во время Великого поста.

Мать закутила кверху длинные золотистые волосы Кристин, спрятала их под старую синюю шапочку, завязала ленты, поцеловала дочку в щеку — и Кристин помчалась вниз к отцу. Лавранс сидел уже в седле; он поднял Кристин на лошадь и посадил ее сзади себя, подстелив ей плащ, сложенный в виде подушки. Кристин села верхом на эту подушку и ухватилась за отцовский кушак. Можно было трогаться в путь, и они пожелали матери счастливо оставаться, но Рагнфрид сбежала с галереи с плащом Кристин в руках, отдала его Лаврансу и попросила мужа хорошенько присматривать за ребенком.

Солнце сияло, но ночью прошел сильный дождь: со всех сторон журчали и плескались ручейки, сбегавшие вниз в долину, и клочья тумана медленно ползли вдоль подножия гор. Но над краем в голубое небо поднимались белые облака, предвестники хорошей погоды, и Лавранс и его люди говорили, что день выдаться, вероятно, жаркий. Лавранс взял с собой четырех слуг, и все они были хорошо вооружены, так как в это время в горах можно было повстречать недобрых людей; впрочем, с путниками вряд ли могло что случиться — их было много, да и ехали они недалеко. Кристин любила всех этих слуг; трое из них были уже пожилыми людьми, но четвертый, Арне, сын Гурда из Финсбреккена, был еще подростком и лучшим другом Кристин; он ехал сразу же за лошадью Лавранса, так как взялся рассказывать Кристин обо всем, что они увидят в пути.

Они проехали между постройками усадьбы Румюндгорд и обменялись приветствиями со священником, отцом Эйриком. Он стоял на дворе и бранился с дочерью, которая вела его хозяйст-

¹ Долина Гюббрандсдал делится на отдельные отрезки, совпадающие по большей части с церковными приходами и разделенные невысокими холмами. Вогэ, где была расположена усадьба Сюдбю, лежала в боковой долине выше (севернее), чем Силь, где был расположен Йорюндгорд. Ниже (южнее) долина тянулась через множество приходов вплоть до города Хамара.

во, из-за мотка свежерашенной шерсти: дочь вывесила шерсть накануне и забыла снять ее, а теперь дождь совершенно все испортил.

На холме возле усадьбы священника стояла церковь; она была невелика, но красива, содержалась в порядке и недавно была заново осмолена. Лавранс и его люди сняли шапки и склонили головы перед крестом у ворот кладбища; потом отец повернулся в седле и вместе с Кристин помахал Рагнфрид, которую еще можно было разглядеть на лугу перед домом; мать тоже помахала им концом своего белого головного платка.

Кристин почти каждый день играла здесь, на церковном пригорке и на кладбище; но сегодня, когда ей предстояло такое долгое путешествие, все эти знакомые места, родной дом и долина с усадьбами казались ей совершенно новыми и необыкновенными. Кучка строений в Йорюндгорде, во дворе и за оградой, стала как будто меньше и серее. Река изгибалась и блестела, и долина расширялась, пестрея широкими зелеными холмистыми лугами, болотами по низине да усадьбами с пашнями и полянами, карабкавшимися на поросшие лесом склоны у подножия серых скалистых обрывов гор.

Кристин знала, что далеко внизу, где горы как будто сходились вместе и закрывали кругозор, лежит усадьба Лоптсгорд. Там жили Сигюрд и Йон, два старика с седыми бородами; приходя в Йорюндгорд, они всегда принимались играть и шутить с Кристин. И она любила Йона, потому что он вырезал ей из дерева замечательно красивых зверей и один раз даже подарил колечко. А в последний раз, когда он был у них на Троицу, он принес ей маленького рыцаря, который был так красиво вырезан и раскрашен, что Кристин показалось — такого прекрасного подарка ей еще никогда не дарили. Она брала его с собой в постель каждый вечер, но, просыпаясь утром, всегда находила рыцаря стоящим на ступеньке кровати¹, в которой спала вместе с родителями. Отец говорил, что рыцарь вскакивает с кровати при первом крике петуха, но Кристин отлично знала, что это мать убирает его, как только она заснет, — она слышала однажды, как мать говорила, что очень больно и неприятно лежать на твердой игрушке,

¹ Деревянные кровати, частично встроенные в стену горницы, имели вид ящичков, завешенных занавеской или запирающихся дверцами; у подножия такой кровати была деревянная ступенька.

если она ночью подвернется под бок. Но Сигурда из Лоптсгорда Кристин боялась, — она не любила, когда он брал ее к себе на колени, потому что он обыкновенно говорил при этом, что будет спать с ней, когда она вырастет. Он пережил уже двух жен и уверял, что переживет и третью. Тогда Кристин может сделаться четвертой. Но когда Кристин начинала плакать, Лавранс смеялся и говорил, что едва ли Маргит испустит дух так скоро; но если бы даже это, к несчастью, и случилось и Сигурд пришел свататься, то все равно он получил бы отказ, так что Кристин нечего бояться.

К северу от церкви, на расстоянии полета стрелы или около того, лежал у дороги большой плоский валун, окруженный густой зарослью берез и осин. Там дети любили играть в церковь, и младший внук отца Эйрика, Томас, служил обедню, подражая деду, кропил святой водой и крестил, когда в углублениях камня скоплялась дождевая вода. Но прошлой осенью им досталось за такую игру. Сначала Томас обвенчал Кристин с Арне — Арне был еще настолько юн, что охотно бегал поиграть с детьми, когда выдавалась свободная минута. Потом Арне поймал мирно гулявшего тут же поросенка, и дети понесли его крестить. Томас миропомазал его грязью, окунул в ямку с водой и начал передразнивать деда: читал молитву по-латыни и бранил прихожан за то, что они жертвуют слишком мало на церковь, — дети начали хохотать, так как слышали разговоры взрослых о чрезмерной жадности Эйрика. И чем громче они хохотали, тем больше изощрялся Томас; затем он сказал, что ребенок этот зачат во время Великого поста и потому надо уплатить за грех пеню в пользу священника и церкви. Тут взрослые мальчишки захохотали как сумасшедшие, а Кристин до того смутилась, что чуть было не заплакала, стоя с поросенком в объятиях. Но пока они смеялись, произошла большая неприятность: на дороге показался сам Эйрик, возвращавшийся верхом с какой-то требы. Догадавшись, чем именно занимаются ребяташки, он соскочил с лошади и так быстро сунул священный сосуд в руки Бентейна, старшего внука, которого брал с собой, что Бентейн едва не уронил на землю серебряного голубка с телом Господним; священник же бросился в толпу детей и принял ся колотить их направо и налево. Кристин выронила поросенка, и тот с визгом помчался по дороге, таща за собою крестильное покрывало, так что поповские лошади взвились от ужаса на дыбы.

Священник рванул и девочку, да так сильно, что она упала, и пнул ее ногой, из-за чего у нее еще много дней спустя болело бедро. Когда Лавранс узнал об этом, он нашел, что Эйрик поступил слишком строго с Кристин — она ведь еще совсем маленькая. Он сказал, что поговорит об этом со священником, но Рагнфрид упростила его оставить это — девочка, мол, получила по заслугам. Не надо было принимать участия в такой кощунственной игре! В конце концов Лавранс не поминал больше об этом, но задал Арне такую порку, какой мальчик еще никогда не получал.

Поэтому, проезжая мимо камня, Арне дернул Кристин за рукав. Он ничего не посмел сказать в присутствии Лавранса, но состроил рожу, улыбнулся и похлопал себя по заду. Кристин же, сгорая от стыда, опустила голову.

Дорога шла дальше густым лесом. Путники ехали под горой Хаммер; долина становилась узкой и темной, и рев реки слышался все сильнее и свирепее. Когда перед ними на мгновение открывалась река, они видели, как Логен мчится меж крутых скалистых берегов, прозрачно-зеленый, как лед, и весь покрытый белой пеной. По обеим сторонам долины подымались горы, поросшие черным лесом; было мрачно, страшно и тесно и веяло холодом. Они переехали по бревнам через ручей и вскоре увидели внизу в долине мостик через речку Росто. Пониже моста в глубокой заводии жил водяной; Арне хотел было рассказать о нем Кристин, но Лавранс строго приказал не болтать о таких вещах в лесу. И когда они подъехали к мосту, Лавранс соскочил с лошади и повел ее под уздцы, придерживая девочку за талию другой рукой.

На том берегу тропа поднималась так круто в гору, что мужчины соскочили с лошадей и пошли пешком; отец пересадил Кристин в седло, и девочка могла держаться за седельную луку — так ей позволили ехать одной верхом на Гюльдсвейне.

По мере того как путники поднимались выше и выше, из-за горных хребтов показывались все новые серые скалы и синие вершины с полосками снега, и теперь уже Кристин могла видеть сквозь ветви деревьев далеко внизу поселок, лежавший к северу от перевала. Арне указывал ей усадьбы, которые можно было разглядеть, и говорил, как они называются.

Высоко в горах подъехали они к маленькому домику, построенному в лесу. Они остановились у изгороди. Лавранс аукнул, и крик его долго отдавался в горах. Появилось двое мужчин, бегом

спускавшихся им навстречу между маленькими заплатками возделанной земли. Это были сыновья хозяйки домика, умелые смолокуры; Лавранс хотел нанять их для перегонки смолы у себя. Следом за ними вышла их мать, неся в руках большую чашу молога с погребя, потому что день действительно стал жарким, как и предполагали мужчины.

— Я вижу, ты на этот раз взял дочку с собой, — сказала она, поздоровавшись, — ну, я должна посмотреть на нее! Развяжи-ка завязки и сними с нее шапочку — люди сказывают, что у нее такие чудные волосы!

Лавранс исполнил просьбу женщины, и волосы Кристин рассыпались по плечам до самого седла. Они были густые и золотистые, как зрелая пшеница. Женщина, которую звали Исрид, потрогала их и сказала:

— Да, теперь я вижу, что людская молва не перехваливает, и правду говорят о твоей маленькой девочке — она что твой розовый цвет и выглядит как рыцарская дочь! И у нее добрые глаза — она похожа на тебя, а не на Йеслингв. Дай тебе Бог счастья в этом ребенке, Лавранс, сын Бьёргюльфа! А как ловко ты сидишь на Гюльдсвейне, прямо придворный! — пошутила она, держа в руках чашку, пока Кристин пила.

Девочка покраснела от радости: она знала, что ее отца считают красивейшим мужчиной во всей округе; и действительно, среди своих людей он походил на рыцаря, хотя и был одет по-крестьянски, как ходил обыкновенно дома в будние дни. На нем были довольно широкий и короткий кафтан из зеленого домотканого сукна, — открытый у шеи, так что видна была рубашка, — штаны и сапоги из некрашеной кожи, а на голове — старинная широкополая войлочная шляпа. Из украшений он носил только одну гладкую серебряную пряжку на кушаке и маленькую застежку на вороте рубашки; кроме того, на шее у него виднелась золотая цепочка. Ее Лавранс никогда не снимал; на ней висел золотой крест, украшенный крупными горными хрусталами; его можно было открывать, и внутри лежал маленький кусочек савана и волосы святой Элин из Скёвде, потому что Сыновья лагмана считали своей родоначальницей одну из дочерей этой святой женщины. Отправляясь в лес или на работу, Лавранс обыкновенно спускал крест под рубашку, на голую грудь, чтобы не потерять его.

Но в этом грубом домашнем платье Лавранс выглядел благороднее многих рыцарей и дружинников в праздничной одежде. Он

был очень красиво сложен: высок, широк в плечах и узок в бедрах; небольшая голова его красиво сидела на шее, а черты чуть-чуть длинного лица были привлекательны: щеки в меру округлы, подбородок красиво очерчен, рот правильный. У него был светлый цвет кожи, свежий румянец, серые глаза и густые, гладкие, шелковистые светлые волосы.

Он все стоял и разговаривал с Исрид о ее делах, спросил также и про Турдис, ее родственницу, которая этим летом управлялась на горном выгоне Лавранса. У той как раз недавно родился ребенок; Исрид ждала только удобного случая, чтобы с надежными попутчиками проехать через лес, — тогда бы она взяла с собой мальчика в долину и окрестила его. Лавранс предложил ей ехать вместе с ними: уже на следующий вечер они отправятся в обратный путь; ей с некрещеным младенцем будет хорошо и спокойно под охраной стольких мужчин.

Исрид поблагодарила.

— Правду сказать, я того и ждала. Мы, бедняки, живущие здесь у горных пастбищ, знаем, что ты всегда оказываешь нам дружескую помощь по мере сил своих, когда приезжаешь сюда.

Она побежала домой, чтобы захватить с собой узелок и плащ.

Уж так повелось, что Лаврансу нравилось среди этого мелкого люда, жившего на расчищенных наемных участках высоко в горах, на окраинах долины; с ними он всегда был весел, всегда шутил. С ними он мог говорить о повадках лесных зверей, об оленях, бродящих на бесконечных плоскогорьях, о всякой нечисти, гнездящейся в таких местах. И он всегда помогал им советом и делом, лечил их больной скот, ходил с ними и в кузницу и на постройку; случалось даже, что он иногда и сам прилагал свою огромную силу, когда надо было выворачивать особенно тяжелые камни или упрямые корни. Поэтому-то все эти бедные люди с такой радостью приветствовали Лавранса, сына Бьёргюльфа, и Гюльдсвейна, его большого рыжего жеребца. Это был красивый конь с блестящей шерстью, белыми гривой и хвостом и со светлыми глазами — такой сильный и дикий, что о нем шла слава по долинам; но с Лаврансом жеребец этот был кроток, как овечка, и Лавранс часто говорил, что любит его, как младшего брата.

Первое дело, которое наметил себе Лавранс, было осмотреть сторожевую башню, стоящую на горе Хеймхэуген. Лет сто или более тому назад, в суровые годы войны и смуты, крестьяне некоторых окрестных долин выстроили сторожевые башни на вер-

шинах гор, вроде вышек около гаваней вдоль побережья; но эти вышки на горах не имели отношения к государственной обороне. Крестьянские гильдии¹ сами содержали их в порядке, и «братья» по очереди следили за ними и подновляли их.

Когда они добрались до первого пастушьего хутора, Лавранс оставил всех лошадей, кроме вьючной, пастись на выгоне, и люди стали взбираться вверх по крутой тропинке. Деревья начали заметно редеть. Высокие сосны стояли на болотах сухие, мертвые и белые, как кость; и Кристин видела, как повсюду кругом стали подниматься к небу голые серые скалы. Путники долго взбирались по каменистым россыпям, а иногда отцу приходилось нести Кристин на руках, так как по тропинке сбегал вниз ручей. Свежий и сильный ветер дул в горах, и кругом черничные заросли синели от ягод, но Лавранс сказал, что некогда останавливаться и собирать их. Арне то забегал вперед, то отставал, рвал для Кристин веточки черники и рассказывал девочке, чьи сетеры они видят под собою среди леса, — в те времена весь Хёврингсванген был покрыт лесом.

И вот они добрались до последней обнаженной и округлой вершины и увидели огромное бревенчатое сооружение, вырывающееся на фоне неба, и сторожевую избушку под защитой скалы.

Когда они поднялись на самый обрыв, ветер налетел и стал хлопать их одеждой; Кристин показалось, что кто-то живой, обитающий на вершине, поспешил им навстречу поздороваться. Ветер дул и свистел, а Кристин с Арне пошли вперед по мшистым каменным плоскостям. Дети уселись на самом краю скалистого выступа, и Кристин смотрела не отрываясь, во все глаза — она никогда и не думала, что мир так велик и широк.

Ниже ее, насколько мог охватить глаз, простирались горы, оцетинившиеся густыми лесами; главная долина казалась небольшим углублением между горными громадами, а боковые — совсем маленькими ямками; их было множество, и все-таки было мало долин и много гор. Повсюду над ковром леса вздымались серые вершины, опаленные желтым огнем лишайников, а далеко, на краю неба, стояли синие горы с белыми крапинами снега, едва

¹ *Крестьянские гильдии* — союзы крестьян-собственников и издольщиков, объединявшихся для взаимопомощи и защиты и выбиравших себе «патроном» какого-нибудь святого.

отличимые на глаз от серо-голубых и ярко-белых летних облаков. А совсем рядом, тут же за лесом, на северо-востоке, теснились синеватые каменные холмы с целыми сугробами свежевывапшего снега по обрывам. Кристин догадалась, что это и есть «Кабаны», о которых она слышала раньше, потому что они и на самом деле походили на стадо громадных кабанов, которые уходят прочь, повернувшись спинами к долине. Но Арне сказал, что только до их подножия ехать верхом самое малое полдня.

Кристин думала, что стоит только перевалить через цепь родных гор, как сейчас же внизу, по другую сторону, откроется еще одна долина, похожая на их собственную, с усадьбами и постройками, — и теперь сердце у нее екнуло, когда она увидела, как громадны расстояния между людскими поселениями. Она видела внизу на дне долины желтые и зеленые пятнышки и крошечные полянки с серыми точками изб посреди горных лесов; Кристин принялась считать их, но, дойдя до трех дюжин, сбилась и бросила. И все-таки человеческое жильё было ничто в этой громадной пустыне!

Кристин знала, что в дремучих лесах хозяйничают волки и медведи, а под всем камнем живут тролли, горные ведьмы и всякий подземный народец; и ей стало страшно, потому что их-то уж было никому не счесть, и, во всяком случае, их гораздо больше, чем крещеных людей. Она стала громко звать отца, но тот не услышал ее на ветру — Лавранс с работниками катил вверх огромные камни, чтобы подпереть ими бревенчатые сваи вышки.

Но Исрид подошла к детям и показала Кристин, где лежит на западе долина Вогэ. Арне же указал ей на Серую гору, где люди из окрестных поселков ловят в ямы оленей и где в хижинах, сложенных из камня, живут королевские ловцы соколов. Арне сам подумывал заняться этой работой, но еще ему хотелось научиться натаскивать этих птиц и приучать их к охоте — и он взмахнул рукой, как бы подбрасывая сокола в воздух.

Исрид покачала головой:

— Это скверная жизнь, Арне, сын Гурда, и для твоей матери было бы большим горем, если бы ты стал ловцом соколов, парень! Там никто не может соблюсти себя — поневоле начнет путаться со всякими дурными людьми или с кем еще похуже!

Тут подошел к ним Лавранс, слышавший последние слова Исрид.

— Да, — сказал он, — в этих местах есть не одно тягло, что не платит ни долгов, ни церковной десятины!..

— А ведь ты, Лавранс, вероятно, навидался всякой всячины, — сказала Исрид. — Ведь ты забираешься так далеко в горы!..

— А-а! — Лавранс помедлил немного. — Может, и так; но кажется мне, что о таких вещах не стоит говорить! Я думаю, кто утратил право на мир среди людей в долинах, тому надо дать жить в мире в горах¹. И я должен сказать, что мне приходилось видеть желтые хлебные поля и отличные луга там, где мало кто подозревает о существовании плодородных долин; видал я и стада рогатого скота и овец, но, право, не знаю, принадлежали ли они людям или кому другому...

— Охо-хо! — вздохнула Исрид. — Люди клянут бирюков и медведей, когда скот пропадает с горных выгонов; но в горах встречаются разбойники и похуже.

— Ты думаешь, хуже? — задумчиво сказал Лавранс и погладил дочку по головке. — Однажды я встретил в горах, к югу за «Кабанами», трех мальчуганов, и старший из них был не больше моей Кристин; у них были светлые волосы, и одеты они были в меховые куртки. Они оскалили зубы на меня, как волчата, а потом бросились бежать и спрятались. Не удивительно, если бы их отец, бедняге, захотелось бы пригнать для них корову-другую...

— Ах, да ведь и у волков с медведями есть детеныши, — сердито сказала Исрид, — но их-то ты не щадишь, Лавранс, ни их самих, ни детенышей! А они не обучены ни законам, ни христианской вере, как те злодеи, которым ты желаешь всяких благ...

— Ты считаешь, что я желаю им всяких благ только потому, что не желаю им самого что ни на есть худого? — сказал Лавранс с легкой усмешкой. — Но пойдем-ка посмотрим, что нам дала сегодня Рагнфрид в дорогу. — Он взял Кристин за руку и повел ее за собою. И, наклонившись к ней, произнес тихонько: — Я подумал тогда о твоих трех братиках, Кристин!

Они заглянули в сторожевую избушку, но там было душно и пахло плесенью. Кристин успела только разглядеть земляные лежанки вдоль стен, очаг прямо среди пола да бочки со смолою

¹ Лишенными мира назывались люди, поставленные вне закона за кровную месть и другие преступления. Перед крестьянской войной XII—XIII веков и в последующие годы гражданской войны в горах укрывались крестьяне и издольщики, спасавшиеся от феодального гнета.

и пачки лучины и бересты. Лавранс решил, что лучше будет поест на вольном воздухе, и вот, немного ниже избушки они нашли хорошую зеленую лужайку в березовой роще на склоне.

Разгрузили вьючную лошадь, и все растянулись на траве. В мешке, который Рагнфрид дала на дорогу, оказалось много хорошей еды: свежий хлеб и лепешки, масло, сыр, сало, сушеная оленина, свинина и вареная коровья грудинка, две корчаги с немецким пивом и маленький бочонок пьяного меда. Работа закипела — один резал мясо, другой раздавал его, а Халвдан, старший из мужчин, развел огонь. В лесу у костра куда спокойнее.

Исрид и Арне рвали вереск и карликовую березу и бросали их в костер; огонь, шипя и потрескивая, пожирал свежую зелень с веток, и белые обожженные хлопья взлетали высоко, на самый верх огненной красной гривы; жирный черный дым клубами вздымался к ясному небу. Кристин смотрела, и ей казалось, что огонь рад вырваться на волю и поиграть. Здесь ему было привольно, не то что дома, на очаге, где он должен выбиваться из сил — варить пищу, освещать горницу.

Она сидела, прислонившись к отцу и перебросив руку через его колено; он давал ей все самое лучшее, сколько она хотела, угощал ее пивом вволю и усердно поил медком.

— Она так охмелеет, что не сможет спуститься вниз к сетеру, — сказал Халвдан смеясь. Но Лавранс только потрепал круглые щечки девочки.

— Ну, нас, мужчин, здесь достаточно, чтобы снести ее на руках! Ей это только полезно; пей и ты, Арне; вы еще растете, и Божьи дары пойдут вам на пользу, а не во вред, они дают здоровую, алую кровь и крепкий сон и не толкают на всякие глупости и сумасбродства...

Мужчины тоже пили вволю, да и Исрид от них не отставала. Скоро голоса и треск и шипение огня слились в ушах Кристин в один неясный и далекий гул — голова ее начала тяжелеть. Она смутно разбирала еще, что кругом все подзадоривают Лавранса, чтобы он рассказал им про те чудеса, что случались с ним на охоте. Но Лавранс не хотел ничего говорить, и ей было так хорошо и спокойно, и так сытно она поела...

Отец сидел с ломтем свежего ячменного хлеба, мял кусочки между пальцами и лепил из них лошадок, потом отщипывал кусочки мяса, сажал их верхом на хлебных коней и заставлял ска-

кать по своей ноге прямо в рот Кристин. Но она до того устала, что не могла уже ни открывать рот, ни жевать, — и вдруг опрокинулась навзничь на землю и заснула.

Очнувшись, Кристин почувствовала, что лежит в темноте, в теплых объятиях отца, — он закрыл ее своим плащом, накинув его и на себя. Кристин села, вытерла пот с лица и сняла шапочку, чтобы свежий ветер просушил ее влажные волосы.

Должно быть, прошло уже много времени, так как солнечный свет стал совсем желтым и тени протянулись длинными полосами на юго-восток. Было тихо, ни ветерка, и мухи с комарами жужжали целыми роями над спящими людьми. Кристин сидела смирно, как мышка, чесала свои искусанные комарами руки и смотрела по сторонам; круглая каменная вершина, поднимавшаяся над ними, белела в лучах солнца от мшистого ковра и желтела от лишайников, а башня из серых, потемневших от непогоды бревен вздымалась к небу, словно скелет какого-то невиданного зверя.

Кристин сделалось как-то не по себе — так было странно, что все спят при ярком дневном свете. Если, бывало, она просыпалась дома по ночам, то это было совсем другое дело. Там Кристин лежала в уютной темноте, между матерью и ковром, закрывавшим бревенчатую стену. Там она знала, что горница закрыта верхней ставней и засовами от ночной темноты и непогоды и что сонное дыхание и храпение исходит от людей, лежащих спокойно и удобно на перинах под теплыми шкурами. Но все эти скрюченные и скорченные тела, лежавшие на земле вокруг кучки белой и черной золы, могли бы быть мертвыми. Они лежали кто на животе, а кто на спине, с поднятыми кверху коленями, и звуки, которые издавали спящие, пугали ее. Отец тяжело храпел, а когда Халвдан делал вдох, то в носу у него что-то свистело и пищало. Арне лежал на боку, прикрыв лицо рукой, и его блестящие русые волосы разметались по вереску; он лежал так тихо, что Кристин испугалась, не умер ли он. Она перегнулась вперед и стала теревить его, но Арне только перевернулся во сне.

Кристин вдруг пришло в голову, что, может быть, они проспали уже целый день и целую ночь и сейчас наступил новый день, и она так испугалась, что стала тормошить отца, но тот только пробормотал что-то и продолжал спать. Кристин и сама еще чувствовала тяжесть в голове, но не решалась снова лечь. Она подползла к костру и начала мешать в нем палочкой — внутри еще тлел огонек. Она положила на угли вереску и мелких веток,

сколько могла собрать вокруг себя, но не посмела выйти из круга спящих, чтобы поискать хворост покрупнее.

Вдруг что-то загремело и загудело совсем близко в лесу — Кристин похолодела от страха, и сердце у нее упало. Но тут она различила что-то большое и рыжее между деревьями: это Гюльдсвейн продирался на поляну сквозь чащу мелкого березняка; потом он остановился и стал смотреть на девочку своими ясными светлыми глазами. Она до того обрадовалась, что вскочила на ноги и подбежала к жеребцу. Там же оказалась и гнедая лошадь, на которой ехал Арне, и еще вьючная лошадь. И Кристин сразу почувствовала себя так хорошо и так спокойно; она подошла к лошадям и похлопала всех трех по крупу, а Гюльдсвейн нагнул к ней голову, чтобы девочка могла дотянуться и погладить его по морде, потрепать его желтовато-белую челку; жеребец понюхал ее руки и потыкался в них своей мягкой мордой.

Лошади, неторопливо пощипывая траву, спустились в березовую рощу, и Кристин пошла вместе с ними; ей казалось, что если только она будет держаться поближе к Гюльдсвейну, то никакая опасность ей не будет страшна: ведь ему приходилось расправляться с медведем. Кусты черники разрослись здесь так густо, а девочку томила жажда и во рту был противный вкус; пива ей больше не хотелось, но сладкие, сочные ягоды были вкусны, как вино. Немного дальше, среди груды камней, она увидела малину. Тогда она ухватилась за гриву Гюльдсвейна и вежливо попросила его пойти с нею туда; жеребец покорно последовал за девочкой. И по мере того как Кристин углублялась в лес, вниз по горному склону, конь тоже шел за нею, когда она звала, а другие лошади следовали за Гюльдсвейном.

Она услышала, что где-то журчит и плещется ручеек; тогда она пошла по направлению звука и действительно нашла ручей. Там она легла над водою на большой плоский камень и смочила свои потные, искусанные комарами лицо и руки. Под камнем был тихий черный омут, потому что как раз напротив возвышалась позади березок и кустов ивняка отвесная скалистая стена. Вот так зеркало! Кристин нагнулась и стала смотреться в воду. Ей хотелось узнать, правду ли сказала Исрид, будто она похожа на отца.

Она улыбалась, кивала и наклонялась все ниже и ниже, пока ее волосы не коснулись светлых волос и круглого детского личика с большими глазами, которое она видела в воде.

Повсюду кругом буйно росло огромное множество прекрасных розовых цветов, которые зовутся валерьяной, — они были куда краснее и красивее здесь, у горного ручья, чем дома у реки. И Кристин стала рвать их и перевязывать стеблями трав, пока не сплела себе удивительно красивый, пышный розовый венок. Девочка надела его на голову и побежала к омуту, чтобы посмотреть, как она теперь выглядит, — она разукрасилась, словно совсем взрослая девушка, которая идет танцевать.

Она склонилась над водой и увидела, как ее темное изображение поднимается со дна и становится все яснее и яснее по мере того, как близится к ней, — и вдруг она заметила в зеркале ручья, что по ту сторону, между березками, стоит какой-то человек и тянется к ней. Кристин быстро поднялась на колени и взглянула туда. Сперва ей показалось, что там ничего нет, кроме скалистой стены и деревьев, обступивших ее подножие. Но тут она заметила чье-то лицо среди листвы — там стояла женщина с бледным лицом и пышными светлыми, как лен, волосами, большие светло-серые глаза и раздувающиеся бледно-розовые ноздри напоминали Гюльдсвейна. Она была одета во что-то блестящее зеленое, цвета листвы, и ветки закрывали ее вплоть до высокой груди, которая была сплошь украшена пряжками и блестящими цепочками.

Кристин не могла отвести глаза от видения; и вот женщина подняла руку, показала венец из золотых цветов — им она поманила ее к себе.

Кристин услышала позади себя громкое и испуганное ржание Гюльдсвейна и обернулась — жеребец взвился на дыбы, взвизгнул так, что зазвенело в ушах, круто повернулся и поскакал в гору, так что земля дрожала. Две другие лошади помчались вслед за ним и поскакали прямо вверх по каменной осыпи. Обломки камней с грохотом покатались вниз, затрещали сломанные ветки и корни.

И тогда Кристин закричала диким голосом.

— Отец! — кричала она. — Отец!..

Вскочив на ноги, она побежала за лошадьми, не смея оглянуться через плечо, вскарабкалась вверх по крутому, усеянному камнями склону, наступила на край своего платья и покатилась было вниз, потом снова поднялась, хватаясь за камни окровавленными руками, поползла вверх на израненных и ушибленных в кровь коленях, звала по очереди то отца, то Гюльдсвейна, обли-

ваясь потом, который ручьями струился по всему ее телу, заливая ей глаза, а сердце у нее билось так, словно хотело вдребезги разбиться о грудную клетку; слезы ужаса душили ее.

— Ай, отец! Отец!

И вот она услышала где-то над собою его голос. Она увидела, что он бежит огромными прыжками вниз по обрыву, добела освещенному солнцем; маленькие березки и осины тихо стояли рядами, только листья их серебристо поблескивали — горная рошица была так тиха и светла, и отец бежал вниз и звал девочку по имени; силы оставили Кристин, и она опустила на землю, зная, что теперь она спасена.

— Пресвятая Мария! — Лавранс встал около девочки на колени и прижал ее к себе; он был бледен, рот у него был как-то странно искажен, и Кристин испугалась еще больше: она как будто только теперь поняла по его лицу, какой страшной опасности она подвергалась.

— Дитя, дитя мое! — Он взял ее окровавленные ручки, посмотрел на них, увидел веноч на ее распущенных волосах и коснулся его. — Что это, как ты попала сюда, Кристин, детка?

— Я пошла с Гюльдсвейном, — рыдала она, прижавшись к нему. — Мне стало так страшно, вы все спали, а потом пришел Гюльдсвейн... А потом кто-то махал мне и манил меня у реки...

— Кто манил тебя — мужчина?

— Нет, женщина; она манила золотым венцом — я думаю, это была горная дева, отец...

— Господи Иисусе Христе, — тихо сказал Лавранс, перекрестив ребенка, и сам перекрестился.

Он помогал девочке подыматься вверх, пока они не вышли на поросший травой склон; тогда он поднял ее на руки и понес. Она висела на его шее, плача навзрыд, и не могла остановиться, сколько он ни шикал.

Вскоре они встретили работников и Исрид. Услыша о том, что произошло, та всплеснула руками:

— Ну конечно, это была горная дева, она хотела заманить такого красивого ребенка и запереть его в гору, уж будьте уверены!..

— Молчи! — резко приказал Лавранс. — Нам не нужно было говорить об этих вещах среди леса — никто не знает, кто сидит тут под камнями и слышит каждое слово!

Он вытащил из-под рубашки золотую цепочку и повесил крест с мощами на шею Кристин, засунув его под платье.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Венец

Часть первая. Йорюндгорд. <i>Перевод М. Дьяконова</i>	7
Часть вторая. Венец. <i>Перевод М. Дьяконова</i>	98
Часть третья. Лавранс, сын Бьёргюльфа. <i>Перевод М. Дьяконова</i> ...	191

КНИГА ВТОРАЯ

Хозяйка

Часть первая. Плод греха. <i>Перевод М. Дьяконова</i>	291
Часть вторая. Хюсабю. <i>Перевод М. Дьяконова</i>	405
Часть третья. Эрленд, сын Никулауса. <i>Перевод М. Дьяконова</i>	567

КНИГА ТРЕТЬЯ

Крест

Часть первая. Родичи. <i>Перевод Ю. Яхшиной</i>	697
Часть вторая. Должники. <i>Перевод Ю. Яхшиной</i>	811
Часть третья. Крест. <i>Перевод Ф. Золотаревской, Л. Брауде</i>	973

Унсет С.

У 60 Кристин, дочь Лавранса : роман / Сигрид Унсет ; пер. с нор. Л. Брауде, М. Дьяконова, Ф. Золотаревской, Ю. Яхниной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 1120 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-13569-7

Историческая трилогия выдающейся норвежской писательницы Сигрид Унсет (1882–1949) «Кристин, дочь Лавранса» была удостоена Нобелевской премии 1929 года. Действие этой увлекательной семейной саги происходит в средневековой Норвегии. Сюжет представляет собой историю жизни девушки из зажиточной семьи, связавшей свою судьбу с легкомысленным рыцарем Эрландом. Это история о любви и верности, о страсти и долге, о высокой цене, которую порой приходится платить за исполнение желаний.

Предлагаем читателям впервые на русском все три части романа — «Венец», «Хозяйка» и «Крест» — в одном томе.

УДК 821.113.5

ББК 84(4Нор)-44

Литературно-художественное издание

СИГРИД УНСЕТ
КРИСТИН, ДОЧЬ ЛАВРАНСА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Шнитникова, Наталья Бобкова,
Валерий Камендо

Подписано в печать 01.09.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 70. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



Y-ILN-21753-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/